

Научная статья

УДК 811.161.1; 81'367.335.2; 81'367.635; 81'37
DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-121-139

**Инфинитивное предложение:
между грамматической категорией и метафорой**

Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Аннотация

Доказывается, что некоторые инфинитивные конструкции, которые обычно трактуют как инфинитивные предложения (ИП), на самом деле таковыми не являются: инфинитив темы, инфинитивная группа в роли подлежащего или сказуемого при элиминированном втором главном члене, инфинитивная группа в роли приложения к местоименному актанту, инфинитивное придаточное цели при главной части с глаголом целенаправленного движения. Эти явления особенно широко распространены в разговорной речи, а также в художественной речи при имитации разговорности. Интерпретация этих явлений как ИП представляет собой метафору, которая не вскрывает, а, наоборот, затемняет их сущность. Инфинитивным предложением в грамматическом смысле может быть признана только такая конструкция, в которой, помимо выраженности единственного главного члена независимым инфинитивом, 1) открыта позиция для дативного субъекта; 2) прочитывается ясное модальное значение. К ИП при-мыкает «лирическое» ИП, в котором позиция дативного субъекта закрыта, но субъект, тем не менее, однозначно задан жанром.

© Дымарский М. Я., 2023

Ключевые слова

русский язык, синтаксис, инфинитивное предложение, метафора, инфинитив темы, инфинитивные конструкции

Благодарности

Работа выполнена при организационной и духовной поддержке Т. А. Трипольской и И. В. Силантьева, которых я искренне благодарю.

Для цитирования

Дымарский М. Я. Инфинитивное предложение: между грамматической категорией и метафорой // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 121–139. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-121-139

Infinitive Clause: Between Grammatical Category and Metaphor

Mikhail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Abstract

It is proved that some infinitive constructions, which are usually treated as infinitive clauses, in fact are not such: topic infinitive, the infinitive group as a subject or predicate with the second main part of the sentence eliminated, the infinitive group as an apposition to the pronominal actant, the final infinitive clause by the main clause with the verb of movement on purpose. These phenomena are especially widespread in colloquial speech, as well as in artistic speech when imitation of colloquialism. The interpretation of these phenomena as infinitive clauses is a metaphor that does not reveal, but, on the contrary, obscures their essence. In the grammatical sense, only such a construction can be recognized as an infinitive clause, in which, in addition to the expression of the only main member by an independent infinitive, 1) a position is open for a dative subject; 2) a clear modal meaning is read. The “lyrical” infinitive clause is adjacent to the “true” one, in which the position of the dative subject is closed, but the subject, nevertheless, is unambiguously specified by the genre.

Keywords

Russian language, syntax, infinitive clause, metaphor, topic infinitive, infinitive constructions

Acknowledgements

The work was carried out with the organizational and spiritual support of T. A. Tripolskaya and I. V. Silantev, whom I am sincerely grateful to.

For citation

Dymarsky M. Ya. Infinitive Clause: Between Grammatical Category and Metaphor. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 119–137. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-119-137

Введение

Роль метафоры в научном познании общеизвестна. Имеется в виду не только метафора в науках о природе (например, уподобление тепловой энергии веществу – теплороду, «невесомому флюиду, присутствующему в каждом теле» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Теплород>), – сыгравшее определенную роль в развитии физики в конце XVIII в.), но и метафора в лингвистике: достаточно вспомнить о метафоре языка как живого организма или о компьютерной метафоре, которая не только жива, но продолжает вдохновлять многих лингвистов и сегодня. Известно и то, что познавательный потенциал метафоры ограничен: рано или поздно он исчерпывается, и ставшая привычной метафора оказывается неспособна к объяснению новых фактов, превращаясь в фактор, препятствующий дальнейшему познанию. В одну из таких метафор превратилось понятие инфинитивного предложения.

Круг конструкций, квалифицируемых в качестве инфинитивного предложения (ИП), хорошо известен. В качестве обязательных признаков ИП называются 1) независимый инфинитив в роли главного члена, 2) представленность субъекта формой дательного падежа существительного или местоимения. Ведущим признаком считается первый; о втором иногда упоминают (ср. [Ильенко и др., 2018, с. 104]), а иногда не упоминают (ср. [Валгина, 1973, с. 167]). В «Русской грамматике» подчеркивается, что «действие или состояние, о котором сообщается в инфинитивных предложениях, всегда соотносено с субъектом» [1980, с. 373], а ниже сообщается, что «субъектным детерминантом в инфинитивных предложениях всегда является дат. п.» [Там же, с. 377]. Наиболее же полна характеристика: «субъект может выражаться формой дательного падежа: *Тебе дежурить*; может быть понятен из ситуации: *Встать!* (требование к присутствующим); может иметь обобщенное значение: *Как варить грибной суп* (рецепт)» [Кустова, 2013, с. 82–83].

Отсутствие упоминания о субъекте при характеристике ИП кажется странным, поскольку еще в классической работе, заложившей основы систематического изучения ИП, выражению субъекта действия в ИП был посвящен особый параграф, где фактически подчеркивалась его обязательность и указывалось на то, что «значение субъекта в инфинитивном предложении... связано с присущим последнему модальным значением долженствования» [Тимофеев, 1950, с. 263]. Другими словами, предикативное значение ИП, в котором ведущую роль играет модальность, возникает только при условии наличия субъекта и ясной соотнесенности с ним действия / состояния, обозначаемого инфинитивом. Неназванность субъекта может означать или 1) его совпадение с говорящим, или 2) его совпадение с адресатом, или 3) его обобщенность. Второй и третий случаи проиллюстрированы выше в цитате из курса лекций Г. И. Кустовой, первый же может быть проиллюстрирован примером, приведенным в [Ильенко и др., 2018, с. 107]:

- (1) *Отложена дуэль. От перспелой вишни
на пальцах алый сок. В ту пору без труда
ссужали время мне – но амба, годы вышли,
платить или бежать. Еще бы знать куда
(Б. Кенжеев).*

В трех названных случаях отсутствие лексически выраженного субъекта не означает отсутствия открытой для него позиции: в ИП такая позиция обязательна; если же обнаружить ее невозможно, то перед нами не ИП.

Непоследовательность включения в характеристику ИП указания на обязательность субъекта в Д. п. и обзора возможных случаев его невыраженности не является, однако, единственным недостатком существующих в учебной литературе описаний ИП. Не менее огорчительно отсутствие упоминаний о явлениях, внешне почти неотличимых от ИП и потому регулярно воспринимаемых именно в этом качестве, что является в лучшем случае метафорой. Ниже рассмотрим 1) некоторые типы придаточных предложений, которые квалифицируются как ИП (ср. [Кустова, 2013, с. 84]); 2) некоторые случаи самостоятельных предложений (или явлений, производящих впечатление самостоятельного предложения), которые также характеризуются как ИП.

1. Инфинитивные придаточные

Среди придаточных, которые могут представлять собой ИП, называют целевые, условные и временные:

- (2) *Пришел, чтобы поговорить* (цель);
- (3) *Если бы с ним поговорить, я уверен, что он резко изменился бы* (Булг.) (условие);
- (4) *Прежде чем сдавать экзамен, надо подготовиться* (время) (перечень и примеры из [Кустова, 2013, с. 84]).

К предложениям с целевыми придаточными относятся и довольно многочисленные конструкции с разнообразно модифицированной семантикой, лишь косвенно связанной с целевыми отношениями (в «Русской грамматике» все они собраны под рубрикой конструкций с целевыми и следственными отношениями), например:

- (5) *Стоило ехать в такую даль, чтобы наткнуться на запертую дверь!*;
- (6) *Разве история моей земли – свиток, чтобы ей развиваться, спросил Арсений* (Е. Водолазкин. Лавр (2012)).

Приведенный список, однако, неполон: к названным типам следует добавить, во-первых, разновидность изъяснительных придаточных предложений с союзом *чтобы* (7), во-вторых, разновидность местоименно-соотнесительных предложений фразеологизированного типа (8):

- (7) *Любовь Тимофеевна не сомневалась в святости своего великого духовного отца и молила Господа, чтобы ей дожить до того дня, когда совершится его церковное прославление* (митрополит Тихон (Шевкунов). Несвятые святые (2011));
- (8) *Но они продолжали смотреть – их это не так волновало, чтобы им пошевелиться* (В. Попов. Грибники ходят с ножами (1997)).

Если считать открытую позицию дативного субъекта обязательным признаком ИП, то можно заметить, что этому условию удовлетворяют примеры (3)–(8), но не (2). В (6)–(8) эта позиция замещена выраженной формой Д. п., в (3), (4) восстановление дативного субъекта возможно:

(3.1) *Если бы мне с ним поговорить...* (очевидно, что Иешуа имеет в виду именно себя, поскольку разговоры с любыми другими собеседниками до сих пор не приводили ни к каким изменениям Марка Крысобоя);

(4.1) *Прежде чем вам сдавать экзамен...*

В (5) субъект может восприниматься как обобщенный, подобно (4), в случае же референции к конкретному лицу (лицам) дательный субъекта появляется в главной части и распространяет свое значение также на придаточную часть:

(5.1) *Стоило нам ехать в такую даль, чтобы [нам] наткнуться на запертую дверь!*

Иначе говоря, это практически тот же случай, что и (1).

В случае же (2) восстановление дативного субъекта в придаточной части не представляется возможным:

(2.1) *[Я] пришел, чтобы *[мне] поговорить.*

В общем случае предложения с инфинитивными целевыми придаточными подчиняются уже названной закономерности: при совпадении субъектов обеих частей дательный субъекта в придаточном обычно опускается, в отсутствие совпадения – нет, так как в противном случае возникает искажение смысла:

(9) *Может, зря она не съела сахар тогда, в поезде – давно бы уже перестала мучиться. Решила: как только станет совсем невозможно – съест. Лучшие бы, конечно, еще до рождения ребенка, чтобы им уснуть вдвоем, не расставаясь...* (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза (2015));

(10) *Как ты и хотела, я предпринял некоторые шаги, чтобы нам перебраться все-таки в Москву* (Н. Климонтович. Парадокс о европейце // «Октябрь», 2013).

Примеры выраженного субъекта в придаточной части при совпадении субъектов обеих частей возможны, но редки:

(11) *Тут татарам меня уже бить нельзя, потому что я как раз под ущемлем стал, и чтобы им стрелять в меня, надо им из щели высунуться, а наши их с того берега пулями как песком осыпают* (Н. С. Лесков. Очарованный странник (1873));

(12) *Я лишь не рычал. А чтобы ей закричать, ей не хватало голоса!* (С. Носов. Фигурные скобки (2015)).

Важно, однако, что примеры вида (11), (12) не воспринимаются как аномальные. Следовательно, аномальность экспериментального примера (2.1) связана не с семантикой цели. Причина, скорее, в характере соотносительности предиката главной части с целевым инфинитивом. В (2) предикатом является глагол целенаправленного движения. Подобные предложения всегда легко трансформируются в простые с обстоятельственным целевым инфинитивом:

(2.2) *Пришел, чтобы поговорить* → *Пришел поговорить*;

(13) *Я пришел, чтобы дать вам волю* → *Я пришел дать вам волю*
(В. М. Шукшин);

(14) *Мы отправились на рынок, чтобы купить фруктов* → *Мы отправились на рынок купить фруктов*;

(15) *Иван полетел в Сибирь, чтобы заключить новый контракт* → *Иван полетел в Сибирь заключить (заключать) новый контракт*.

Стандартность приведенных трансформаций свидетельствует об ином – более тесном, чем в других конструкциях с целевым придаточным, – характере связи между финитным глаголом движения и целевым инфинитивом: не случайно школьники и студенты регулярно воспринимают сочетания типа *пришел поговорить* как составные глагольные сказуемые.

В порождающей грамматике оба варианта предложений (2.2), (13–15), как с союзом *чтобы*, так и без него, интерпретируются как сложные, поскольку инфинитив безоговорочно рассматривается как вершина второй клаузы (наряду с финитной формой – вершиной первой клаузы). Невозможность восстановления дативного субъекта в «инфинитивной клаузе», однако, ставит под сомнение интерпретацию этой конструкции как сложной не только при отсутствии союза, но и при его наличии.

Получается, что конструкции с финитным глаголом движения, целевым союзом и инфинитивной группой занимают промежуточное положение между сложноподчиненным и простым предложениями. С одной стороны, инфинитивная группа связана с главным предикатом значительно теснее и не допускает восстановления дативного субъекта; это означает, что перед нами конструкция, не отвечающая определению ИП. С другой стороны, интерпретации такой конструкции как простого предложения препятствует возможность подчинительного союза. Если оставаться в поле признания подобных построений сложноподчиненными предложениями (что экономнее), то придется внести следующее уточнение: придаточное с целевым значением, присоединяемое союзом *чтобы* к главной части

с глаголом целенаправленного движения, не является инфинитивным предложением. Его можно квалифицировать как инфинитивную конструкцию, но не как ИП.

2. Конструкции, смежные с ИП

В раздел «Инфинитивные предложения» Грамматики-54, в отличие от принадлежащей тому же автору статьи [Тимофеев, 1950], была введена небольшая глава «Инфинитивно-назывные предложения» [ГРЯ, 1954, с. 54–56]. В ней описаны «предложения, которые содержат в себе название какого-либо действия и выраженную интонацией оценку действия со стороны говорящего» [Там же, с. 54]. Подчеркиваются – в качестве специфических особенностей – обязательная для них восклицательная интонация и отсутствие значений долженствования или необходимости [Там же, с. 55]. Вместе с тем ничего не говорится о субъекте – вернее, об отсутствии позиции для него – как о еще одной специфической особенности этого подкласса ИП, хотя отмечена невозможность употребления частицы *бы*. Разновидности же этого подкласса классифицированы по семантическому признаку: предложения, выражающие 1) удивление, недоумение; 2) неодобрение, сожаление; 3) протест, разочарование, возмущение.

Цитированная характеристика «инфинитивно-назывных предложений» противоречива. Верно, что инфинитив используется в этих конструкциях в номинативной функции. Но это означает, что он не обладает предикативной функцией; следовательно, это не предложения. Действительно, из 16 приводимых в этой главе примеров лишь один отвечает исходному определению ИП (см. о нем ниже). Характерно, что все эти примеры извлечены из речи персонажей – как эпических, так и драматических произведений, – за исключением одного, взятого из речи повествователя в «Бэле». Разговорной же речи, как известно, свойственна эллиптичность: опускается всё, что известно или ясно из конституации; яркость интонационного оформления компенсирует грамматическую неполноту. Если принять этот факт во внимание, то в материале обсуждаемой главы можно выделить следующие явления, лишь напоминающие ИП (примеры (16)–(25) заимствованы из этой главы).

2.1. Инфинитив темы. Инфинитивная группа называет тему ряда высказываний – как предшествующих, так и последующих:

(16) **Права имуществва, права Дворянства потерять!** Нет, вы подумайте сперва – Зайду я к вам опять! (Некр. Русские женщины. Кн. Трубецкая, ч. 2);

(17) [София] **Шутить! и век шутить!** Как вас на это станет? (Гриб., Горе от ума, д. III, явл. 1);

(18) **Все терпеть, терпеть!..** Куда же уйти-то мне, господи? (Верес., Конец Александры Михайловны, IV).

Как именная тема не является номинативным предложением, так и инфинитив темы не является ИП. Термин *инфинитивное предложение* по отношению к этой конструкции – такая же метафора, как термин А. А. Шахматова *вокативное предложение* по отношению к модели высказывания, состоящей из изолированного обращения, окрашенного специфической интонацией упрека. Это один из тех случаев, когда модель высказывания не опирается на предикативную структуру, что не мешает ей успешно выполнять коммуникативную функцию (подробнее см. [Дымарский, 2005; 2014]), но не позволяет называть ее предложением в грамматическом смысле.

Инфинитив темы отличается от именительного темы двумя чертами. Первая – ярко выраженная экспрессивность (ср. упомянутое выше указание К. А. Тимофеева на особое интонационное оформление «инфинитивно-назывных предложений»). В этом отношении кажется не вполне оправданным упоминание именительного и инфинитива темы в одном ряду среди «конструкций, обязанных своим происхождением живой устной речи» [Патроева, 2021, с. 131]: медитативность именительного темы резко контрастирует с импульсивностью, оценочностью инфинитива темы и ставит, как кажется, под вопрос происхождение первого именно из живой устной речи. Вторая черта – способность не только к катафорическому, но и к анафорическому функционированию. Так, в (16) и (18) инфинитивная конструкция, помимо выполнения проспективной функции, явно служит своеобразным резюме левого контекста.

2.2. Инфинитивная группа в роли подлежащего при опущенном оценочном сказуемом:

(19) [Ольга] *Куда ты?* [Маша] *Домой.* [Ирина] *Странно...* [Тузенбах] **Уходит с именин!** (Чех., Три сестры, д. I)

Реплика Тузенбаха дублирует по смыслу и дополняет грамматически предшествующую реплику Ирины. Тем не менее, будучи самостоятельным

высказыванием другого говорящего, она не может рассматриваться как парцеллированный компонент; она должна быть интерпретирована как неполное предложение с подлежащим – инфинитивной конструкцией и опущенным сказуемым, которое уже произнесено Ириной. Непременный признак опущенного сказуемого – выраженное оценочное значение. Ср. еще:

(20) [Аркадина] *Ты не лечишься, а это не хорошо, брат.* [Сорин] *Я рад бы лечиться, да вот доктор не хочет.* [Дорн] *Лечиться в шестьдесят лет!* (Чех., Чайка, д. II)

Несколькими репликами далее Дорн произносит: *Надо относиться к жизни серьезно, а лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, извините, легкомыслие.* В этой реплике подразумеваемый в (20) оценочный предикат вербализован.

(21) [Серебряков] *Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам – и вдруг, ни с того, ни с сего, очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут глупых людей, слушать ничтожные разговоры...* (Чех., Дядя Ваня, д. II)

Как и в предыдущем случае, опущенный оценочный предикат, более или менее ясный и сам по себе благодаря целому ряду проявлений негативной оценки во втором конъюнкте (*вдруг, ни с того ни с сего, в этом склепе, глупых людей, ничтожные разговоры*), получает прямое выражение в правом контексте – на этот раз в продолжении той же реплики: *Каждую минуту тосковать о прошлом, следить за успехами других, бояться смерти... Не могу! Нет сил!*

Именно в силу очевидности оценки соответствующий предикат регулярно опускается; но элиминация сказуемого еще не причина для квалификации оставшейся инфинитивной группы с номинативной функцией в качестве единственного главного члена ИП.

2.3. Инфинитивная группа в роли сказуемого при опущенном подлежащем:

(22) – *Черт меня дернул, – шептал он сквозь зубы, – съездить к этому помещику! Вот пришла мысль! Только на дерзости напрашиваться!..* (Тург., Рудин, VIII)

Инфинитивная группа здесь служит сказуемым к опущенному, в силу названности в предыдущем предложении, подлежащему: *Ездить к этому помещику – только на дерзости напрашиваться*. Очевидно, что выделенная конструкция вне контекста теряет осмысленность в еще большей мере, чем в (16)–(21), а это, как известно, первый признак неполного предложения. Следовательно, и в данном случае квалификация инфинитивной конструкции как ИП может восприниматься лишь как метафора.

2.4. Инфинитивная группа в роли приложения к местоименному актанту:

(23) [Арбенин] *Возможно ли! Меня продать! Меня за поцелуй глупца...*
(Лерм., Маскарад, д. III, сцена 2)

Здесь мастерски передан ступенчатый характер синтаксического развертывания со способствующими ему повторами-зацепками, свойственный эмоциональной, импульсивной спонтанной речи. Конструкция разворачивается как бы толчками, и каждый ее сегмент не завершён ни в коммуникативном, ни в грамматическом отношении. Представлять этот фрагмент как парцеллированное предложение *Возможно ли меня продать за поцелуй глупца* нельзя. Этому препятствуют не только повтор *меня*, но и резкое искажение смысла: при таком представлении цепочка коммуникативных фрагментов, выражающая негодующее отрицание подобной «возможности», превращается в вопрос о наличии этой возможности, опирающийся на пресуппозицию существования, – но именно это, с точки зрения Арбенина, категорически исключено.

Однако, коль скоро перед нами цепочка коммуникативных фрагментов, ни один из которых как самостоятельное высказывание функционировать не может, реконструкция все-таки требуется – только не столь прямолинейная. Более близким к смыслу текста представляется такой вариант:

(23.1) *Возможно ли такое – меня продать [да еще вдобавок] за поцелуй глупца...*

В этом случае интересующая нас инфинитивная группа оказывается в роли приложения к восстанавливаемому подлежащему *такое*.

Следующий пример отличается от (23) только тем, что местоимением *такое* выражено не подлежащее, а дополнение (*что такое*; запятая перед *что такое* объясняется действием в 1954 г. еще старого свода правил пунктуации):

(24) *Это уж я не знаю, что такое, – за добро так отплатить людям* (Панова, Спутники, ч. 1, гл. 2).

Таким образом, ни один из примеров, приводимых в рассматриваемой главе «Инфинитивно-назывные предложения» Грамматики-54, не отвечает ни определению ИП, ни самому духу этого понятия. Единственное исключение:

(25) *Порасскажи-ка, пока отдыхаешь. – Да что, сударь, вам рассказать! Расскажешь, да вы не поверите...* (Салт., Губ. очерки. Отставной солдат Пименов)

Это обычное ИП с дебитивным значением в вопросительно-восклицательном варианте: заметим, что и дативный субъект в нем восстанавливается без труда.

Понятие ИП оказалось столь привлекательным, а гипнотическая сила инфинитива столь действенной, что в качестве ИП, начиная с Грамматики-54, стали описывать и явления другой природы. В этом, безусловно, сыграло свою роль и сходство до степени смешения, возникающее в силу регулярного отсутствия в «поверхностной структуре» подлинных ИП дативного субъекта.

2.5. «Инфинитивное письмо». Метафорой инфинитивного предложения являются и широко известные ряды инфинитивных конструкций, побудившие А. К. Жолковского к введению понятия инфинитивного письма [Жолковский, 2000; 2002]. Автор указывает, что под этим он подразумевает «тексты, содержащие достаточно автономные инфинитивы, т. е. либо

(а) абсолютные инфинитивы, образующие самостоятельные предложения (*Грешить бесстыдно, непробудно*), не подчиненные управляющим словам <...> или связкам <...> и не привязанные к конкретным лицам и модальностям...; либо

(б) однородные инфинитивные серии, зависящие от одного слова и благодаря своей протяженности развивающие самостоятельную инерцию; ср. почти целые строфы в «Евгении Онегине», начиная с первой, описывающие характер и времяпровождение героя (*Какое низкое коварство // Полуживого забавлять, // Ему подушки поправлять...*)» [Жолковский, 2000, с. 187–188].

Понятно, что нас в данном случае будет интересовать первая группа: как и выше, на проверку оказывается, что «абсолютные инфинитивы» далеко не всегда «абсолютны», т. е. не всегда представляют собой автономные

ИП. Рассмотрим некоторые наиболее известные примеры «инфинитивного письма».

2.5.1. Подлинные (но «лирические») ИП.

(26) *Февраль. Достать чернил и плакать!*

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,

Чрез благовест, чрез клик колес,

Перенестись туда, где ливень

Еще шумней чернил и слез.

(Б. Л. Пастернак)

В отсутствие частиц восстановление дативного субъекта в выделенных конструкциях невозможно или, во всяком случае, сомнительно. Но отказывать им на этом основании в статусе ИП не стоит: ведь перед нами лирическое произведение, тема которого – творчество, поэтому субъект всех действий, названных инфинитивами, очевиден, дан по умолчанию. Поэтому и модальное значение этих конструкций прочитывается вполне определенно: это желательность в степени автоимперативности. И это отнюдь не «медитация об альтернативном жизненном пути», как трактует – с оговоркой о предварительности – «семантический ореол инфинитивного письма» А. К. Жолковский [2000, с. 188].

Таким образом, при жанровой заданности субъекта, компенсирующей невозможность (проблематичность) восстановления дательного субъекта, и определенности модального значения конструкция может быть признана ИП, так как основные признаки ИП присутствуют.

Аналогичны следующие примеры:

(27) *Два желания*

1

Жить на вершине голой,

Писать простые сонеты...

И брать от людей из дола

Хлеб, вино и котлеты.

2

*Сжечь корабли и спереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет через сто.*
(Саша Черный)

Лирический субъект задан жанром, что же касается модального значения – оно задано названием диптиха.

(28) *Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.*
(А. Ахматова)

Заданность лирического субъекта дополнительно поддерживается использованием притяжательного местоимения 1-го л., модальное значение очевидно из яркой положительной оценочности, пронизывающей весь текст: это желательность на грани мечты.

Итак, в лирическом произведении обнаруживается особая разновидность ИП – «лирическая». Ее отличительной чертой является жанровая заданность субъекта, компенсирующая неуместность восстановления формы Д. п. с субъектным значением. Вряд ли есть необходимость добавлять, что таким образом поэт создает эффект неявной обобщенности, возводя сугубо индивидуальные переживания в степень общечеловеческого.

2.5.2. Двусоставная конструкция с элиминированным сказуемым. Примером может служить знаменитое стихотворение:

(29) *Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,*

*И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.
Три раза преклониться долу,
Семь – осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.
Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.
А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.
И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,
И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.
(А. Блок)*

В сущности, это почти тот же случай, что и описанный в п. 2.2. Здесь в длинном ряду инфинитивных конструкций также отсутствует возможность восстановить дативный субъект, и, в отличие от п. 2.5.1, это и не лирический субъект (он возникает только в последнем двустиишии, которое не является инфинитивной конструкцией). Модальное значение в инфинитивных конструкциях не прочитывается: есть ярко выраженная оценочность, но это не модальность. При этом, в отличие от конструкций, описанных в п. 2.2, опущенное сказуемое при ряде инфинитивных подлежащих не является оценочным. Факт же наличия этого подразумеваемого сказуемого ясен из смыслового «провала», возникающего между всем текстом стихотворения и финальным двустиишием. До него ни о России, ни о том, какая она, в тексте нет ни слова. Фрагмент *и такой, моя Россия* заставляет читателя искать ответ на вопрос, о какой России идет речь, и, поскольку ничего другого не дано, отождествлять ряд инфинитивных конст-

рукций с «такой Россией». Это равнозначно восстановлению сказуемого: *...И на перины пуховые в тяжелом завалиться сне – **это тоже Россия**. Смысловый континуум сохраняет целостность только при том условии, что читатель совершает эту операцию. Таким образом, инфинитивные группы, составляющие основной текст стихотворения, не являются ИП, так как лишены позиции дативного субъекта и модального значения и выполняют функцию подлежащего при элиминированном сказуемом, которое восстанавливается путем запрограммированной автором читательской интерференции.

Заключение

Существуют два множества: 1) инфинитивных конструкций, производящих впечатление (относительно) самостоятельных функциональных единиц, и 2) инфинитивных предложений как грамматической категории с ясно определенными признаками. Эти множества не конгруэнтны. Второе входит в первое, но первое существенно шире. Помимо ИП как грамматической категории оно включает такие конструкции, как инфинитив темы, инфинитивная группа в роли подлежащего или сказуемого при элиминированном втором главном члене, инфинитивная группа в роли приложения к местоименному актанту, инфинитивное придаточное цели при главной части с глаголом целенаправленного движения. Эти явления особенно широко распространены в разговорной речи, а также в художественной речи при имитации разговорности. Интерпретация этих явлений как ИП представляет собой метафору, которая не вскрывает, а, наоборот, затемняет их сущность. Инфинитивным предложением в грамматическом смысле может быть признана только такая конструкция, в которой, помимо выраженности единственного главного члена независимым инфинитивом, 1) открыта позиция для дативного субъекта; 2) прочитывается ясное модальное значение. К ИП примыкает «лирическое» ИП, в котором позиция дативного субъекта закрыта, но субъект, тем не менее, однозначно задан жанром.

Список литературы

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учеб. для вузов. М.: Высш. шк., 1973. 423 с.

ГРЯ – Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2: Синтаксис. Ч. 2. 446 с.

Дымарский М. Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Колл. моногр. / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 292–332.

Дымарский М. Я. Понятие вокативного предложения в концепции А. А. Шахматова и в современных синтаксических теориях // Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения акад. А. А. Шахматова / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева; Ин-т лингв. исследований РАН. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 117–118.

Жолковский А. К. Бродский и инфинитивное письмо. Материалы к теме // НЛО. 2000. № 45. С. 187–198.

Жолковский А. К. К проблеме инфинитивной поэзии (об интертекстуальном фоне «Устроиться на автобазу...» С. Гандлевского) // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2002. № 61 (1). С. 34–42.

Ильенко С. Г., Дымарский М. Я., Мартыанова И. А., Столярова И. В. Современный русский язык. Синтаксис: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. М.: Юрайт, 2018. 391 с.

Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка: Курс лекций. М.: Флинта: Наука, 2013. 294 с.

Патрочева Н. В. Синтаксическая организация стихотворных сочинений А. Д. Кантемира // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 131–152. DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.050

Русская грамматика: В 2 т. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 709 с.

Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / Под ред. В. В. Виноградова. М.: Учпедгиз, 1950. С. 257–301.

References

Dymarsky M. Ya. Ponyatie vokativnogo predlozheniya v kontseptsii A. A. Shakhmatova i v sovremennykh sintaksicheskikh teoriyakh [The notion of vocative sentence in A. A. Shakhmatov's concept and in modern syntactic theories]. In: Krylova O. N., Priemysheva M. N. (eds.). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchenoy 150-letiyu so dnya rozh-

deniya akad. A. A. Shakhmatova [Proceedings of the International Scientific Conference to the 150th anniversary of acad. A. A. Shakhmatov]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 117–118. (in Russ.)

Dymarsky M. Ya. Vyskazyvanie i kommunikativnost' [Utterance and Communicativity]. In: Bondarko A. V., Shubik S. A. (eds.). Problemy funktsional'noy grammatiki. Polevye struktury [Issues in Functional Grammar. Field Structures]. St. Petersburg, Nauka, 2005, pp. 292–332. (in Russ.)

Grammatika russkogo yazyka [Grammar of Russian]. Moscow, AS USSR Publ., 1954, vol. 2: Syntax, pt. 2, 446 p. (in Russ.)

Ilyenko S. G., Dymarsky M. Ya., Martyanova I. A., Stolyarova I. V. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis [Modern Russian. Syntax]. Textbook and Practice. Moscow, Yurait Publ., 2018, 391 p. (in Russ.)

Kustova G. I. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Syntax of Modern Russian]. Lecture Course. Moscow, Flinta: Nauka, 2013, 294 p. (in Russ.)

Patroeva N. V. Sintaksicheskaya organizatsiya stikhotvornykh sochineniy A. D. Kantemira [The syntactic organization of A. D. Kantemir's Verse]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 131–152. (in Russ.) DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.050

Timofeev K. A. Ob osnovnykh tipakh infinitivnykh predlozheniy v sovremennom russkom literaturnom yazyke [On Basic Types of Infinitive Sentences in the Modern Russian Literary Language]. In: Vinogradov V. V. (ed.). Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka [Issues in Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz, 1950, pp. 257–301. (in Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). Russkaya grammatika [Russian Grammar]. In 2 vols. Moscow, Nauka, 1980, vol. 2: Syntax, 709 p. (in Russ.)

Valgina N. S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Syntax of Modern Russian]. A Higher School Textbook. Moscow, Higher School Publ., 1973, 423 p. (in Russ.)

Zholkovsky A. K. Brodsky i infinitivnoe pis'mo. Materialy k teme [Brodsky and the Infinitive Mode of Writing]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2000, no. 45, pp. 187–198. (in Russ.)

Zholkovsky A. K. K probleme infinitivnoy poezii (ob intertekstual'nom fone "Ustroit'sya na avtobazu..." S. Gandlevskogo) [Towards the Problem of the Infinitive Poetry (On the intertextual Background of S. Gandlevsky's "Ustroit'sya na avtobazu..."). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2002, no. 61 (1), pp. 34–42. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Яковлевич Дымарский, доктор филологических наук, профессор
Scopus Author ID 57131173400
WoS Researcher ID M-8002-2016
SPIN 8662-7550

Information about the Author

Mikhail Ya. Dymarsky, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Scopus Author ID 57131173400
WoS Researcher ID M-8002-2016
SPIN 8662-7550

*Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 15.03.2023
The article was submitted on 11.01.2023;
approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 15.03.2023*